

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 808.53
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

В. М. Амиров
Екатеринбург, Россия

V. M. Amirov
Ekaterinburg, Russia

МОТИВАЦИЯ ВОЮЮЩИХ СТОРОН В СОВРЕМЕННОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

MOTIVATION OF BELLIGERENT PARTIES IN A MODERN JOURNALISTIC MILITARY DISCOURSE

Аннотация. Анализируются различные системы мотивации участвующих в боевых действиях сторон, отраженные в публикациях современных российских печатных СМИ. Делается попытка дать классификацию этих систем.

Abstract. In the article various systems of motivation of the parties participating in operations, reflected in publications of modern Russian print media are analyzed. Attempt to give classification of these systems is undertaken.

Ключевые слова: мотивация; война; конфликт; дискурс; пресса; системы.

Key words: motivation; war; conflict; discourse; press; systems.

Сведения об авторе: Амиров Валерий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати департамента «Факультет журналистики».

About the author: Amirov Valery Mikhailovich, Associate Professor of the Chair of Periodicals, Faculty of Journalism.

Место работы: Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural Federal University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

e-mail: vestnik-va@mail.ru.

Журналистский военный дискурс подчеркивает огромную значимость для достижения победы над противником мотивации как непосредственных участников боевых действий, так и населения, несущего на себе тяготы войны. При этом отмечаются различные мотивы, которыми руководствуются те, кто с оружием в руках выполняет боевые задачи. Разными мотивами может руководствоваться в своих действиях и гражданское население, вовлеченное в конфликт и поддерживающее ту или иную сторону.

Попробуем выделить некоторые аспекты мотивации военнослужащих, представленные в публикациях российских СМИ, посвященных нескольким конфликтам последнего времени.

Подчеркивая стойкость и мотивированность российских военнослужащих, прибывших для защиты своих соотечественников в Южную Осетию, СМИ указывают на их относительно худшие, по сравнению с противником, техническую оснащенность и экипированность, которые, по мнению авторов, компенсируются высоким моральным духом: *...они и без бронезилов сами — как железо. Моральный дух их необычайно высок. Им мало платят, их бросили на помощь осетинскому народу практически в неизвестность, без какого-либо уведомления, будут ли им платить боевые, а они не жалуются* [Борисов 2008]. Согласно текстам, солдат и офицеров мотивирует на боевые

действия осознание необходимости защитить подвергшихся агрессии, т. е. мотивировкой являются не только приказы, но и моральные принципы: *Солдат на броне просит закурить и объясняет: „Я из Ростова, контрактник. Приказ приказом, а желание защитить осетин есть у всех в нашем полку!“* [Кожемякин 2008]. Такую мотивированность можно назвать **общегуманитарной**, обусловленной пониманием необходимости помочь слабому, находящемуся в опасности.

Вместе с тем при анализе публикаций СМИ, посвященных современным вооруженным конфликтам, можно увидеть и иную мотивацию войск. Одним из самых сильных мотивов является **патриотический**, выражающийся в готовности к защите Родины. Эта защита может быть как непосредственной (при обороне территории страны, защите сограждан), так и опосредованной (при защите политических и экономических интересов Отечества, а в последнее время, например, при защите российских инвестиций, российских экономических проектов за рубежом). К патриотической мотивации можно отнести и осознание необходимости защиты территории государств, являющихся союзниками России как в рамках межгосударственных договоров, так и в ходе миротворческих операций, а также традиционно дружественных Российской Федерации государств и т. п.: *...главная причина успеха Российской*

армии состоит в том, что вся армия — от солдата до генерала — знает или хотя бы чувствует и догадывается, что от итогов именно этой военной операции зависит сегодня судьба России [Медведев 1999]; *„Я веду войну за поруганную честь России“*, — заявил командующий западной группировкой войск генерал Владимир Шаманов, и его поддерживают, как можно судить, почти все другие генералы и офицеры [Там же]; *„Мы ведем войну за национальные интересы России на Кавказе и за судьбу Северного Кавказа, который является неотъемлемой частью России“*, — говорят дипломаты [Там же].

Мотивация участников военного конфликта также может носить **личностный** характер. Он может проявляться сразу в нескольких аспектах. Действия военнослужащего или вовлеченного в военный конфликт гражданского лица могут быть обусловлены корпоративными традициями (долг российского офицера, верность присяге), моральными обязательствами («десант своих не бросает», «сам погибай, а товарища выручай»): *Старший лейтенант Иван Шелухов со своими боевыми товарищами-офицерами вступил в неравный бой с чеченскими бандитами. Силы были слишком неравными. Выход оставался один: отвлечь врагов и так спасти товарищей от неминуемой гибели. И тогда Иван вызвал ожесточенный огонь на себя. Но защищая друзей-сослуживцев, офицер сам, к сожалению, не уцелел* [Казимиров 2004]. Могут сказываться и семейные традиции (военный в нескольких поколениях), карьерные соображения и перспективы материальной выгоды (участие в боевых действиях дает профессиональному военному значительные преимущества с точки зрения продвижения по службе, а оплата службы в «горячих» регионах существенно выше, чем в местах постоянного дислоцирования), желание добиться общественного признания, а также внутренние искания, например какие-нибудь романтические устремления и установки. В особую группу можно выделить мотивы, связанные с посттравматическим синдромом, с желанием раз за разом возвращаться в ситуацию боевых действий, что характерно для многих ветеранов боевых действий: *С таджикской войны он уехал в Приднестровье, потом на первую чеченскую. Затем на вторую... Да, в войне есть магнетические притяжения... Но с войны, наверное, не уйдет, пока не кончатся они все в России* [Яковлева 1996]; *Прожив на „гражданке“ пять лет, Уклеин почувствовал, что невозможно, и сбежал на войну, в ту среду всеобщего братства.*

Это же почти рай, понимаешь! [Яковлева 1997].

Одним из сильных мотивов, выделяемых в публикациях СМИ, является **профессиональный** (выполнение служебного долга). Мотив этот для профессиональных военнослужащих (офицеров) характеризуется четким, даже в заведомо тяжелых обстоятельствах, исполнением требований, изложенных в служебных документах (уставах, инструкциях, кодексах чести и т. д.), а для непрофессиональных (солдат срочной службы, гражданского персонала воинских подразделений) — исполнением неких моральных обязательств, сформулированных в обязывающих документах (например, присяге) или выраженных в неписанных правилах поведения: *Мы знаем солдат и офицеров, которые, находясь в плену, не запятнали себя ни словом, ни делом. Мало того, некоторые проявляли настоящий героизм* [Рукописи, которые не горят]; *Бесспорно одно: свой воинский долг они исполнили с честью, не уронив ратной славы разведки, оставшись до конца верными букве и духу присяги* [Ратная слава разведки]; *Так героически погиб простой белорусский парень, верный сын своей великой Родины, славный воспитанник Ленинского комсомола, гвардеец, до конца выполнивший свой воинский долг* [Мужество рождает бессмертие].

Мотивация может быть детерминирована также **национально-этническими и религиозными установками** (помочь братьям по вере): *...казаки „Всевеликого войска донского“ уже заявляли, что окажут всю необходимую помощь Сербской республике и „братскому народу сербам“, проживающим в Косово* [Донские казаки решили помочь...].

Современный журналистский военный дискурс может отражать как наличие мотивации участников вооруженного конфликта, так и ее отсутствие. В этом смысле интересны, например, публикации о Чеченской войне, в которых печать, используя лексику официальных комментаторов, часто маскирует кошмар внутрироссийского конфликта военно-технической терминологией: «точечный удар», «ковровая бомбардировка», «защитка», «артобстрел», «боестолкновения». Подобная лексика лишена эмоциональности, представляет «инженерный» взгляд на войну. На телевидении такую точку зрения довольно часто опровергает видеоряд: говорят «точечный удар», а показывают убитых людей. В печатных же СМИ подобная терминология выводит на первый план публикаций статистику, скрадывает настроения людей, которые совсем не хотят воевать и оказались вовлеченными в водоворот войны

против своего желания: *Русские во всех смыслах оказываются такими же жертвами этой войны, что и чеченцы, но их положение в этой войне бессмысленней, обреченней* [Чечня. 10 лет войны за мир]; *...за каждого чеченца Россия платит взрывами в своих городах и кровью своих солдат. И выходит при этом абсурде, что страх перед этой войной поселяется уже в русских городах* [Там же]; *Ценой жизни тысяч русских солдат хотят добиться одного-единственного: вместо Масхадова править будет, скажем, Гелаев (или другой чеченец, имеющий свой тейп)* [Радзиховский 2000].

Отсутствие нравственного осознания необходимости войны отражается и в современном военном фольклоре, проникающем в журналистские тексты. Солдаты российских Вооруженных сил и внутренних войск в публикациях о контртеррористической операции в Чеченской Республике называют чеченцев «чехами», как в свое время афганцев называли «духами» (от официального «душманы»): *...полевой командир „духов“ напоследок обнимает освобожденного, советуя больше не воевать с чеченцами* [Карпов 1996]; *Щас „чехи“ долбанут по твоей „коробке“ из „граника“ и она нам на голову свалится, всем хана!* [Там же]. Это не просто ассоциации. Это отражение непонимания характера войны, ведь в Афганистане противник не угрожал Отечеству, а в Чеченской Республике конфликт и вовсе носил внутренний характер. В журналистских материалах практически не используется слово «враг», что тоже является характерной деталью. То есть войска воюют не с врагами, а с неким противником, суть вражеского образа не вполне понятна солдату и офицеру: *...дети малые, подростки, старики, женщины и российские солдатики — „заморыши“, как назвал их Александр Лебедь, — это все тяжело раненные. Позади, дома — их разоренные очаги, матери, обмирающие от все еще обезличенных вестей о потерях. Чьи они, эти жертвы, эти руины? Соотечественников наших. Против кого воюем, россияне? И что прибавить к этому,*

услышанным на днях голосам мирных наших соотечественников, безвинно пострадавших на этой нашей войне? [Алейник 1996].

Анализ газетных и журнальных публикаций, посвященных современным вооруженным конфликтам, позволяет увидеть, что в материалах СМИ глубоко и системно показана мотивация участников боевых действий. Эта мотивация может иметь самые различные основания, может вообще отсутствовать в случае, когда представителями конфликтующих сторон четко не уяснены цели и задачи, за которые они воюют, или они внутренне не согласны с этими целями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейник Л. С кем воюем в Чечне? // Огонек. 1996. № 21.
2. Борисов Т. Груз 2008 // Российская газета. 2008. 11 авг.
3. Донские казаки решили помочь братьям-сербам в случае возобновления боевых действий в Косово // ИА Newsru.com. URL: <http://txt.newsru.com/russia/18feb2008/kazaki.html> (дата обращения: 24.05.2001).
4. Казимиров А. Покой нам только снится // Очная ставка. 2004. № 6.
5. Карпов Б. Наши в Чечне: солдаты // Завтра. 1996. 26 нояб.
6. Кожемякин В. Эта рана не заживет долго // Аргументы и факты. 2008. 13 авг.
7. Медведев Р. За что воюет в Чечне российский солдат? // Российская газета. 1999. 14 авг.
8. Мужество рождает бессмертие // Гвардейская доблесть. 1980. 8 июня.
9. Радзиховский Л. За что воюем? // Сегодня. 2000. 21 марта.
10. Ратная слава разведки // Военное обозрение. URL: <http://topwar.ru/1943-ratnaya-slava-razvedki.html> (дата обращения: 1.12.2011).
11. Рукописи, которые не горят // Смоленск : интернет-журнал. URL: <http://www.journalsmolensk.ru/05-05/04/04.PHP> (дата обращения: 1.12.2011).
12. Чечня. 10 лет войны за мир. URL: <http://antifashyst.narod.ru/yy.html> (дата обращения: 25.05.2011).
13. Яковлева Е. Написать свое имя на небе можно только выстрелами // Известия. 1996. 17 окт.
14. Яковлева Е. Это не адrenalиновое счастье // Известия. 1997. 10 июля.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Б. Н. Лозовский